

Соколова Валентина Федоровна

"ШКОЛА В. И. ДАЛЯ" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 40-70-Х ГГ. XIX ВЕКА

В статье рассматривается характер творчества русских писателей, которых принято относить к так называемой "школе В. И. Даля". Всеми этими писателями руководила искренняя любовь к народу и устной народной поэзии. Появление "школы", безусловно, напрямую связано с образованием в 1845 г. Русского географического общества, определившего небывалый "взлет" народоведческих интересов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 68-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

В статье рассматривается характер творчества русских писателей, которых принято относить к так называемой «школе В. И. Даля». Всеми этими писателями руководила искренняя любовь к народу и устной народной поэзии. Появление «школы», безусловно, напрямую связано с образованием в 1845 г. Русского географического общества, определившего небывалый «взлет» народоведческих интересов.

Ключевые слова и фразы: школа Даля; народознание; этнографизм; изучение; народность; русский народ; археологические разыскания; исследование; национальная жизнь.

Соколова Валентина Федоровна, д. филол. н., профессор
Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
itoipid@yandex.ru

«ШКОЛА В. И. ДАЛЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 40-70-Х ГГ. XIX ВЕКА

Роль В. И. Даля в истории русской культуры – и как исследователя национальной жизни, и как организатора научных и литературных сил исключительно велика. Неутомимый путешественник, ученый-этнограф, лингвист и литератор, он привлек к исследованию жизни народов России видных писателей, фольклористов и общественных деятелей. За свою жизнь (1801-1872) Даль исколесил всю Россию, изучил ее центральную часть, объехал Прибалтику и Белоруссию, Украину, Молдавию, Приуралье и Поволжье, Башкирию и Казахстан. Каждая поездка давала ему огромный статический и этнографический материал, который ложился в основу его научных работ и литературно-художественных произведений.

Даль был одним из организаторов Русского географического общества, учреждение которого в 1845 г. видный этнограф нашего времени А. С. Токарев, считает «внешним признаком наступления новой эпохи в развитии этнографической науки» [10, с. 214].

По свидетельству Л. С. Берга, учредительное собрание Общества состоялось на квартире Даля, а первое официальное собрание – уже в здании Академии наук. Далем была составлена и «докладная записка» о создании Русского географического общества, в которой подчеркивалась особая важность этнографического изучения России и народов, ее населяющих [3, с. 33].

По уставу Общество должно было представлять «средоточие, к которому будут стекаться со всех сторон сведения преимущественно о России, но также и о других землях в рукописных сочинениях, книгах, картах, этнографических предметах, древностях» [6].

Преимущественное значение Общество придавало изучению русского народа: «...главным предметом внимания нашего, – писал один из его видных деятелей, Н. И. Надеждин, – должно быть то, что именно делает Россию Россией, то есть человек русский...» [Там же, с. 61]. Этнография, с точки зрения Надеждина, должна была изучать, прежде всего, то, «что наиболее полно раскрывает русскую народность – язык народа, его телесную и духовную стихию» [Там же, с. 62]. Как литератор-демократ, призывая к изучению жизни трудового народа, Надеждин, как и Даль, объективно выступал за демократизацию русской литературы. Главным в исследовании народного быта, считали они, является умение отделять наносные, заимствованные черты в народном быте от подлинно самобытных, «самородных». Особое значение они придавали изучению народных преданий, на которые смотрели как на исторический источник¹.

Важную роль в становлении отечественной этнографической науки играли представители русской мифологической школы. Одним из видных представителей Русского географического общества был Ф. И. Буслаев, видевший в мифологии и языке наличие всех начал, определяющих развитие и бытие народа. Воззрения русских «мифологов» оказали влияние на творчество целого ряда русских писателей 40-70-х годов, таких, как П. И. Мельников-Печерский, А. Н. Островский («москвитянинский» период), А. А. Потехин, И. Железнов и др.

К изучению России, быта и нравов ее народов были привлечены широкие круги русской общественности. Членами Русского географического общества стали видные ученые-историки, этнографы, лингвисты, писатели 40-70-х гг.: ученик и последователь Даля П. И. Мельников-Печерский, несколько позднее С. В. Максимов, Г. П. Данилевский, А. А. Потехин, А. Ф. Писемский, М. Михайлов, И. Железнов и другие, ориентировавшиеся в своем творчестве на опыт В. И. Даля. Устав и программа Общества определяли направление и характер их деятельности. Основная их задача заключалась в изучении национальных основ народа, его понятий, нравов и обычаев. Все они бились над одним, но важнейшим для своего времени вопросом: «кто мы и что мы», чем мы, народ русский, отличаемся от других народов и отличаемся ли?

Интерес к выяснению национальных корней, охвативший русское общество, был всеобъемлющим. Он проявлялся как в археологических разысканиях, так и в художественном освещении жизни народа в жанрах очерка, рассказа и повести, а потом и романа.

Призывая русскую интеллигенцию к изучению жизни народа, Надеждин всем ставил в пример деятельность Даля, у которого к середине 40-х гг. было «собрано 400 сказок и больше 10 000 пословиц (не считая поговорок, записанных со слов народа), заготовлены обширные запасы материалов для словарей местных

¹ Дополнительная информация по творчеству В. И. Даля дана в главе «Научно-этнографическая деятельность и художественное творчество В. И. Даля в монографии В. Ф. Соколовой «Народознание и русская литература XIX в.»» [9, с. 100-126].

наречий, имеется богатое собрание народных (так называемых лубочных) картин, также собраны (и собираются непрерывно) наблюдения и описания разных преданий, поверий, праздников, обрядов, примет, привычек и других особенностей народно-русских» [Там же, с. 62-63].

Датчанин по происхождению, Даль глубоко уважал и любил русский народ. «Отец мой – выходец, а мое отечество – Русь», – пишет он в «Толковом словаре живого великорусского языка» [4, с. 727]. Он был твердо убежден, что «ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной нации... Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит <...> Я думаю по-русски» [8, с. 22], – с гордостью писал он в конце жизни.

Вклад Даля в филологическую науку не ограничивается собиранием и толкованием слов. Он сделал серьезные наблюдения над морфологией слова, над его фонетическими особенностями; его интересовал вопрос об иноязычных заимствованиях в русском языке.

Для Даля и его единомышленников – Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и других исследователей русской народности, современность и историческое прошлое, которое они стремились постичь через изучение народной культуры, были нераздельны. А это определяло отношение Даля к современной русской литературе. Она, по его мнению, должна быть одновременно и народной, и общечеловеческой.

Неоценима роль Даля в истории становления реализма в русской литературе. На него ориентировался И. С. Тургенев, начиная свои «охотничьи рассказы», в прямую связь с его творчеством ставил Белинский повести Д. В. Григоровича, у него учились П. И. Мельников-Печерский и большинство писателей, группировавшихся вокруг «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Каждый из названных писателей имел свое лицо, отличался только ему присущими творческими приемами, но их объединял интерес к жизни непривилегированных слоев русского общества, ментальности русского человека, пристрастие к фактам. Не случайно в 1854 г. П. В. Анненков писал о существовании в русской литературе очерковой школы повести, или «школы Даля», представителей которой объединяло прекрасное знание жизни демократических слоев русского общества и устной народной поэзии, пристальное внимание к мировоззренческим взглядам народной среды, фактографизм творчества и тяготение к описательной манере изложения материала [1]. Достаточно вспомнить творчество П. И. Мельникова-Печерского («Красильниковы», романы «В лесах» и «На горах»), А. А. Потехина («Крестьянка», «Около денег»), А. Ф. Писемского («Рассказы из народного быта») и др.

Художественное наследие самого Даля, как и творчество его последователей, разнообразно по своей жанровой природе: сказка, очерк («Чухонцы в Питере», «Уральский казак»), рассказы («Ворожейка»), повесть («Обмирание»).

Даль делал очень важное, необходимое для литературы дело. Его рассказы, основанные на фактическом материале, содействовали становлению русского реализма и сближению литературы с основами русской национальной жизни. В 40-е гг. В. Г. Белинский возлагал на Даля большие надежды. «Нам кажется, – писал он, – что господин Даль (*создавая – прим. автора – В. С.*) русские сказки, повести и рассказы, искал настоящей дороги для своего таланта и, написавши “Дворника”, “Колбасников и Бородачей”, нашел ее. Как бы то ни было, но физиологические очерки Даля считаем мы перлами современной русской литературы» [2, т. X, с. 83]. Сам же Даль был иного мнения о своем таланте. Он называл себя не «творцом», а «собирателем». П. И. Мельникову-Печерскому он признавался, что не считает себя человеком искусства. «Иное дело выкопать золото из скрытых рудников народного языка и быта и выставить его миру напоказ. Иное дело переделать выкопанную руду в изящные изделия. На это найдутся люди и кроме меня» [5, с. XXXII].

Фактически начало «школе Даля» в русской литературе было положено в кружке «молодой редакции» журнала «Москвитянин» группой молодых литераторов, формирование которых проходило в стороне от философских кружков 30-х гг. XIX в., но под непосредственным влиянием Пушкина и Гоголя.

Состав кружка не был однороден. В нем уживались члены молодой редакции со старыми сотрудниками журнала. Его активными деятелями были М. Михайлов, П. Якушкин, А. Писемский и М. Стахович. Несмотря на существовавшую в кружке разногласию, в нем явно преобладали славянофильские тенденции. «Знанием быта они иногда превосходили своих петербургских собратий, – отмечал А. Н. Пыпин, – и, как, например, Мельников, были иногда настоящие “бывалые люди”, издавшие всяких людей и всякие закоулки жизни» [Цит. по: 7].

Особенно благотворное влияние на писателей, группировавшихся вокруг «Москвитянина», оказывал А. Н. Островский.

Всеми этими писателями руководила искренняя любовь к народу и устной народной поэзии. К кружку тяготели все художественные силы Москвы. Частыми гостями тут были теперь уже забытые, но в свое время очень популярные писатели: Е. Э. Дрианский, очеркист Иосиф Железнов.

Захваченные общим интересом к изучению русской народности после образования Русского географического общества, они выступали как непосредственные продолжатели традиций натуральной школы. Богатство наблюдений, добытых в результате кропотливого, порой научного анализа жизненных явлений, короткое наблюдение над бытом, нравами и обычаями русского народа обеспечили их творчеству такие характерные особенности, как очерковость, фактографизм, документализм, тесная связь с устной народной поэзией.

Список литературы

1. **Анненков П. В.** Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб.: [б.и.], 1879. 283 с.
2. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953-1959.

3. Берг Л. С. РГО за сто лет. М. – Л.: Изд-во Академии наук, 1945. 263 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1982. Т. 2. 736 с.
5. Мельников П. И. В. И. Даль // Даль В. И. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. СПб., 1877. Т. I. С. I-XXXVII.
6. Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки русского географического общества. СПб., 1846. Кн. 1. С. 43-94.
7. Порудоминский В. Повесть о толковом словаре. М.: Книга, 1981. 128 с.
8. Пыпин А. Н. История русской этнографии: в 4-х т. СПб., 1906. Т. II. 537 с.
9. Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX в. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 334 с.
10. Токарев А. С. История русской этнографии. М.: Наука, 1966. 454 с.

“THE SCHOOL OF V. I. DAL” IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 40-70S OF THE XIX CENTURY

Sokolova Valentina Fedorovna, Doctor in Philology, Professor
Nizhni Novgorod State University of Engineering and Economics
umoiptd@yandex.ru

The article deals with the nature of the creativity of the Russian writers' who are usually attributed to the so-called “School of V. I. Dal”. All these writers were guided by the sincere love for the people and the oral folk poetry. The emergence of the “school”, undoubtedly, related directly to the formation of the Russian Geographic Society in 1845 that determined the unprecedented “rise” of the interests in the people’s study.

Key words and phrases: school of Dal; knowledge of people; ethnographism; study; nationality; the Russian people; archaeological dig; research; national life.

УДК 82-2

Одним из показателей эстетической преемственности авангарда и модернизма является поэтика условности. Сопоставительный анализ художественной системы драматургических опытов Велимира Хлебникова («Госпожа Ленин», «Мирсконца», «Маркиза Дээс») с «новой драмой» модернистов, в частности пьесами Мориса Метерлинка («Слепые», «Непрошенная гостья» и др.), позволяет включить драматургическое творчество модернистов и авангардистов в общую парадигму так называемой «условной драмы».

Ключевые слова и фразы: модернизм; символизм; авангард; условность; «новая драма»; поэтика сдвига; марионеточность.

Страшкова Ольга Константиновна, д. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
ol.strashckova2011@yandex.ru

УСЛОВНОСТЬ КАК ОБЩИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ ДРАМАТУРГИИ МОДЕРНИЗМА И АВАНГАРДА

Эстетика модернизма и эстетика авангарда не предполагают гомологической философской связи, однако художественный текст того и другого демонстрирует общность приёмов, позволяющих говорить об их генетическом родстве, преемственности. Модернизм и авангард как его крайнее, абсолютизированное проявление существовали в общей концептосфере театрализации жизни и творчества [о воплощении этой идеи в эстетике модернизма см.: 12, с. 62-108]. Театр воспринимался как модель мира и модернистом Николаем Евреиновым, и авангардистом Велимиром Хлебниковым. Когда «Баня» Владимира Маяковского исполнялась в театре Мейерхольда, плакат на сцене гласил: «Театр – не отображающее зеркало, а увеличивающее стекло». При этом режиссёры, не принимая «четвёртой стены» Станиславского, видели в зрителе соучастника сценического действия, включающегося в условную игру, верящего в безграничность театральной иллюзии. «Весь театр – это обман, сплошной обман, сознательный, нарочный, но очаровательный настолько, что ради него только и стоит жить на свете!» – экзальтированно восклицал известный театральный деятель эпохи Серебряного века Николай Евреинов [6, с. 84]. Модернисты и авангардисты, конечно, осознавали условность воссоздаваемой на сцене и в массовых действиях «реальности», по-разному атрибутируя, казалось бы, одни и те же смыслы (как известно, в авангардистском мировидении – сдвинутые, деформированные разрушающейся действительностью). Художник-символист, подчёркивая свою исключительность, наслаждался сотворением новых смыслов и форм для элитарного читателя и зрителя, в то время как авангардист видел смысл творчества в «антихудожественной и ликующей точности» (Сальвадор Дали), ориентированной на рецепцию, соучастие массы. (Значимо в этом контексте замечание Х. Ортега-и-Гассета в «Восстании масс»: «Масса – это посредственность, и поверь она в свою одарённость, имел бы место не социальный сдвиг, а всего-навсего самообман» [10, с. 311]). В представлении авангардиста мир теряет свою целостность, и художественная система строится в рефлектирующем сознании на представлении о всеобщей сдвинутости, неустойчивости, «но вместе